

Евгения Обухова, Заур Мамедьяров Патрициям пора потесниться

Экономическое неравенство почти не изменилось со времен Римской империи, а в последние годы оно еще и растет. Это опасность для всего мира, но современные элиты не хотят ее видеть

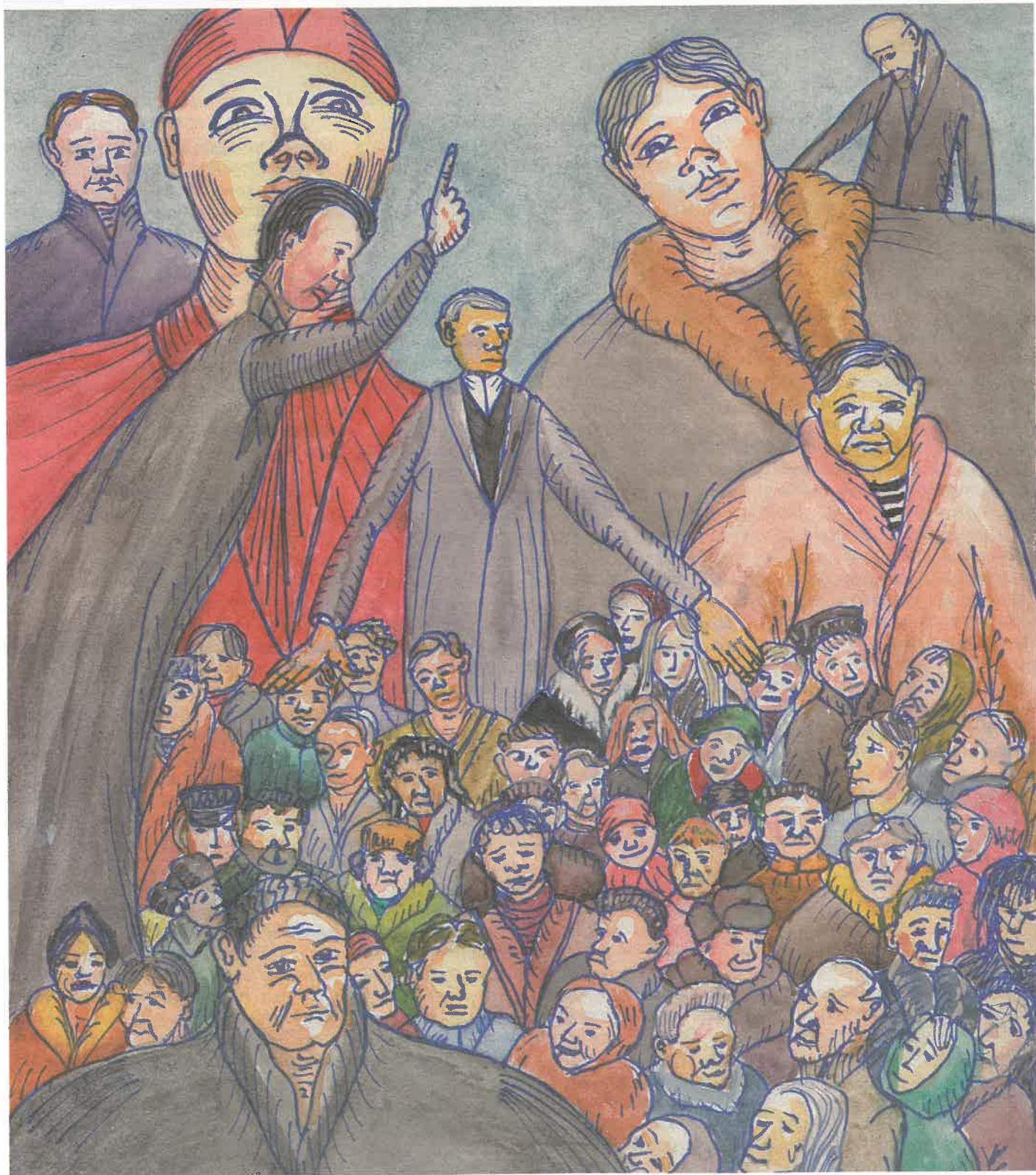

Иллюстрация: Шаловский

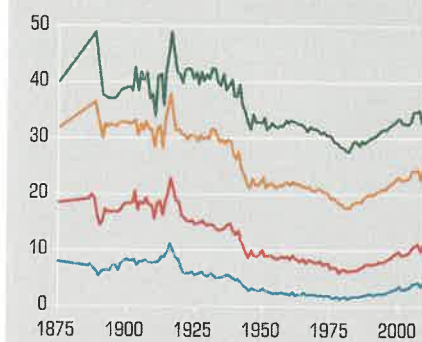
Мировая экономика производит все больше, развивающиеся страны огромными темпами наращивают потребление, но тем не менее во всем мире стремительно нарастает неравенство. В некоторых странах оно уже вернулось к уровню столетней давности — как будто и не было налогов на сверхдоходы, борьбы профсоюзов за адекватную оплату труда и европейского опыта создания социального государства. Политики и ученые из целого ряда стран Европы, Азии, Африки, а также из США собрались 10 декабря в Общественной палате РФ, чтобы обсудить проблему неравенства на конференции «От неравенства к справедливости».

Разрыв растет

Общая картина такова. Неравенство в мире снижалось начиная с 1920-х годов. В немалой степени этому способствовали Октябрьская революция и серьезный рост рабочего движения в других странах. Еще быстрее неравенство стало снижаться после Второй мировой войны — наступило «золотое тридцатилетие», когда серьезными темпами росли доходы большинства граждан, особенно среднего класса. Однако начиная с 1980-х неравенство вновь начало нарастать. В итоге если посмотреть на долю в общих доходах 10 и 5% самых богатых людей, то в 18 западных странах этот показатель уже приблизился к предвоенному уровню, приблизительно 37 и 25% соответственно (см. график 1). Коэффициент Джини (показатель, характеризующий отклонение фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны) в США вернулся к уровню 1920-х годов. Интересно, что существуют данные по уровню неравенства в Римской империи и Византии — и современные уровни неравенства в тех же США, Великобритании, Италии, Испании остались примерно такими же (если сопоставлять те же коэффициенты Джини). Эти данные содержатся в работе «Долгосрочные тенденции в распределении доходов» экономиста Института стратегических и международных исследований в Куала-Лумпуре (Малайзия) **Кваме Сун-дарам Джомо** и директора исследований Института «Диалог цивилизаций», главного научного сотрудника Центрального экономико-математического института РАН **Владимира Попова** (все графики к этому материалу также взяты из этой работы). Выступая в Общественной палате, Владимир Попов отметил, что на самом деле ситуация сейчас даже хуже, чем в прошлом: сейчас неравенство самое высокое за весь период в истории. Об этом говорит, например, сопоставление круп-

В мире неравенство вернулось на предвоенный уровень

График 1

невзвешенная средняя доля в совокупных доходах наиболее состоятельных групп населения 18 западных стран (Австралия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Канада, Испания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, США, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, Япония), %

■ Top 0,1% ■ Top 1% ■ Top 5% ■ Top 10%

Источник: Facundo et al., 2012

нейших состояний со стоимостью имущества среднего домохозяйства и доходов богатейших людей со средними доходами их сограждан. Так, состояние Рокфеллера было больше состояния среднего американца в 1 250 000 раз, а Билла Гейтса — уже в 1 416 000 раз. Что же касается доходов, то у Рокфеллера они были выше среднедушевых доходов того времени примерно в 100 000 раз, а у мексиканца Карлоса Слива — уже в 450 000 раз.

Проблема такого положения дел в том, что при большом неравенстве не работают социальные лифты, заявил Владимир Попов: чем выше неравенство, тем выше корреляция доходов родителей и их детей, а значит, бедность передается из поколения в поколение.

Благополучных больше нет

Какое-то время казалось, что рецепт лекарств от экономического неравенства удалось найти Скандинавии: высокие налоги способствовали перераспределению богатства, и разница между самыми высокими и самыми низкими зарплатами здесь была минимальной. Однако и благополучные Скандинавские страны, как выяснилось, в последние годы столкнулись с ростом неравенства.

«У нас старое поколение социал-демократов боролось за равное общество, — сказал в беседе с корреспондентом «Эксперта» председатель Института Шиллера в Швеции **Ульф Сандмарк**. — Они построили хорошие институты, всеобщее здравоохранение, хорошую систему жилья с низкими ценами. Сейчас новое поколение. Они идут в неолиберализм. И сейчас в Швеции всплеск неравенства. Неолибералисты говорят: посмотрите, сколько людей в мире стали богатыми — китайцы вышли из бед-

ности, и это благодаря капитализму и неолиберализму. Но они приписывают себе чужие заслуги, ведь неолиберализма в Китае нет».

«Да, уровень неравенства в Скандинавии низкий — если смотреть на индекс Джини, например, — соглашается научный сотрудник факультета социальных наук Университета Хельсинки **Вилле-Вейко Пулка**. — Но тренд по неравенству такой же, как в других странах, особенно после 1990-х, когда проводили реформу налогообложения и была введена плоская шкала. После 1993 года неравенство в Финляндии сильно выросло».

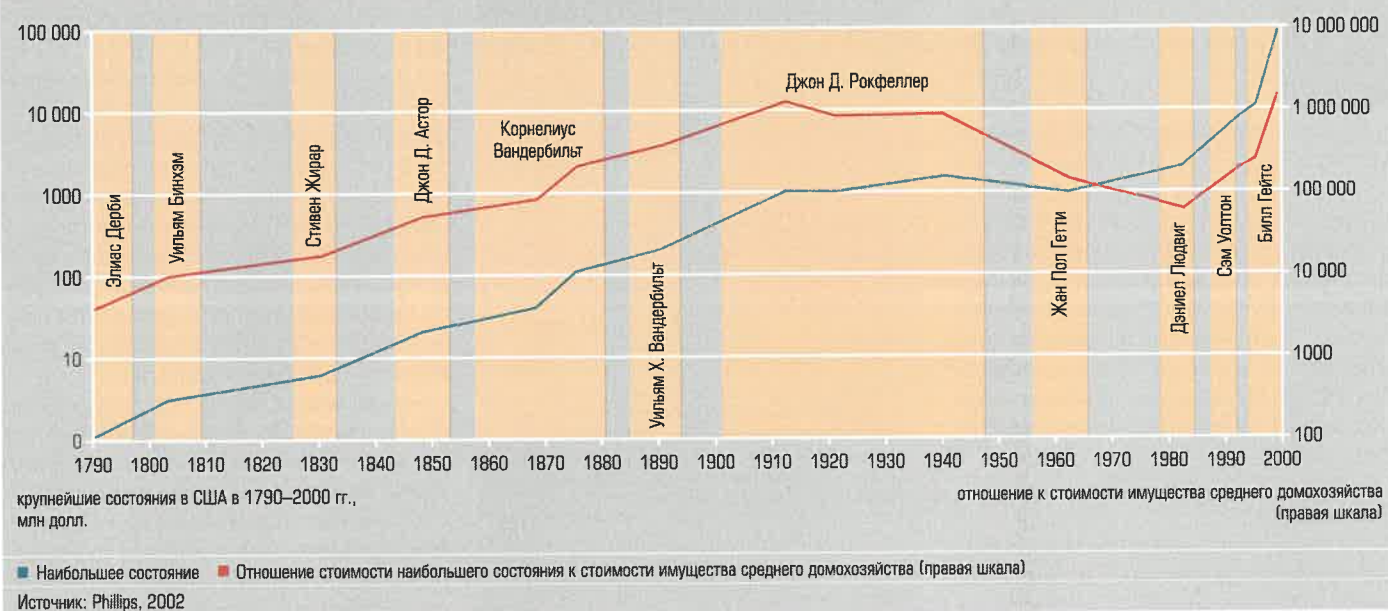
Что касается США, то там проблема стоит гораздо острее. Профессор социальной экологии из Университета Калифорнии **Джон Уайтли** начал свое выступление с двух цифр: 20% детей в Калифорнии живет в бедности и в два раза за последние пять лет в штате выросла популяция крыс — причиной опять-таки является бедность. А **Асылбек Кожахметов**, глава Гражданского альянса Казахстана, привел такие цифры: 0,001% населения в Казахстане владеет 55% общего богатства, в то время как 96% взрослого населения имеет годовой доход до десяти тысяч долларов. В этих условиях сильнее всего страдает село, и получить высшее образование в стране сегодня может не более 20% молодежи из сельской местности.

«Мир буксует, экономический рост замедляется, социальное напряжение очень велико — так в своем докладе описывает текущую ситуацию советник президента РФ, председатель Совета по развитию гражданского общества и правам человека **Валерий Фадеев**. — Неравенство по доходам тормозит экономический рост, так как сказывается на спросе. Богатые предъявляют эксклюзивный спрос, но он не может заставить двигаться большую экономику». Валерий Фадеев привел в пример три региона: Свердловскую, Тюменскую и Курганскую области. В советское время они были близки по душевому региональному продукту. Сейчас разница между произведенной в регионах добавленной стоимостью на одного жителя колоссальна: 208 тыс. рублей в Курганской области и 625 тыс. рублей — в Тюменской. В первой — отток населения, во второй — приток. Но это неуправляемые миграционные процессы, которые ведут к неравенству. Люди уезжают из своих регионов, так как профессиональные траектории людей там сомнительны: в регионах, где больше нет промышленности и науки, нельзя стать инженером или ученым.

Похуже, и в глобальном плане причины растущего неравенства в глобализации и сопутствовавшей ей деиндустриализации целых регионов.

Разница между имуществом самых богатых и остальных — максимальная

График 2

Во власти неолиберализма

«Деиндустриализация — одна из фундаментальных проблем, — говорит Валерий Фадеев. — Капитал перемещается, но страны, куда он перемещается, богаче на становятся, а страны, откуда он перемещается, деградируют». При этом фактически по всему миру сейчас из-за нехватки денег идет отказ от социального государства — ярчайшего достижения XX века.

Но, казалось бы, денег в мире достаточно — их сейчас даже больше, чем когда-либо. Вот как объясняет этот парадокс очевидец глобализации.

Получилось так, что капитал, став в 1980-е и особенно в 1990-е годы глобальным, перестал быть подконтрольным какой-либо одной стране, и не только вырвался на свободу, но стал диктовать миру свои условия. Об этом было весьма эмоциональное выступление на конференции **Антонио Фаллико**, председателя совета директоров банка Intesa, президента ассоциации «Познаем Евразию». Активы кредитных организаций сейчас составляют более 70 трлн долларов — это в полтора раза больше мирового ВВП. 40% всей прибыли корпораций — это прибыль финансового сектора. Кризис 2008 года был вызван структурными проблемами неолиберального пути развития, который продвигают Вашингтонский консенсус и МВФ, проводившие демонтаж национальных суверенитетов. И теперь миру грозит новый кризис, предупреждает Фаллико: мир остается в ловушке низкого роста, в то время как цены на акции растут невероятно быстро, и показатель Shiller P/E ratio (отношение капитализации к прибыли) по индексу S&P 500 сейчас составляет 33 против среднего за всю историю 16. Это постмодернизм по Лиотару, убежден итальянский банкир: финансы стали важнее

промышленности, счастье отождествляется с интенсивным ростом желаний.

По выражению Антонио Фаллико, на наших глазах произошла мутация неравенства. Теперь его стержень — глобальный неолиберальный капитализм, который каждый элемент формирует по образу и подобию рынка, а в итоге разрушает благосостояние государства. Миром управляют транснациональные корпорации, для которых жесткая конкуренция — естественная среда обитания. В конечном счете неолиберализм — инструмент построения глобальной империи в интересах США.

Один из столпов такой системы — нестабильность положения трудящихся. Amazon, Uber — примеры того, как современные корпорации делают работу одноразовым ресурсом (курьер, таксист выполняют один заказ и не знают, будет ли следующий) и таким образом переносят риски получения дохода с корпорации

Как и разница в доходах

График 3

на людей. Все ради частных и биржевых прибылей.

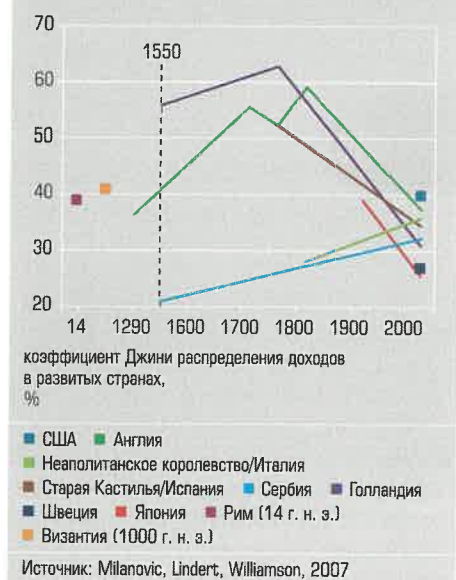
«Мы обязаны разработать альтернативу неолиберализму, — убежден Антонио Фаллико. — Нужно противодействовать пассивному и рабскому мышлению, выстраивать критическое мышление. Нужно требовать глобального многополярного управления. США не способны обеспечивать безопасность, справедливость, экономическую устойчивость. Нужны срочные реформы ВТО, Всемирного банка, МВФ, с учетом роли БРИКС, а G20 должна стать форумом для переписывания глобальных экономических правил. Альтернатива [неолиберализму] — солидарная экономика на службе всех людей».

О близком новом кризисе предупредил и Ульф Сандмарк — он обращает внимание на еще один показатель слишком большого перекоса мировой экономики в сторону финансовой системы: на огромный объем деривативов, который превысил 700 трлн долларов. Финансовые агрегаты все сильнее расходятся с физическим выпуском, и это, по словам ученого, неизбежно закончится крахом. «Деривативы нарушают ценообразование, например нефти, что очень важно для России, — сказал Сандмарк «Эксперту». — Реальная торговля [нефтью] может быть один процент, а деривативы — 99 процентов [объема торгов]. Когда вы делаете контракт в деривативах на миллиарды долларов, это воздействует на цены. И здесь есть геополитическое измерение. Это своего рода оружие против нации, чтобы украсть ее богатство».

Первый шаг для борьбы с неравенством, по Сандмарку, — избегать увеличения неравенства и появления гиперинфляции, которая может снова вернуться, если не предотвращать кризис. «В миро-

По уровню неравенства мир недалеко ушел от Римской империи

График 4

вой экономической системе все больше долга, ею плохо управляют. Накачивание все большего объема денег в систему — ошибка», — предупреждает ученый.

Слишком богатые менеджеры

Сложно подсчитать, влияет ли рост неравенства на экономический рост, и если да, то как именно. По мнению большинства экономистов, экономическое неравенство не связано с экономическим ростом, а если и связано, то противоположным образом, говорит Владимир Попов. «У арабского социолога XIV века Ибн Халдуна была теория, которую сейчас поднимают на щит многие ученые, например Петр Турчин из Коннектикутского университета, — те страны, организации и компании, которые базируются на принципах солидарности, более конкурентоспособны, — рассказывает г-н Попов. — Это можно проследить по недавнему успеху стран догоняющего развития: Японии, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура, которые в 1950 году еще были развивающимися, а в 1970–1980-е годы превратились в развитые. Считается, что одна из главных причин их успеха — азиатские ценности: приоритет интересов коллектива над интересами индивидуума».

В своем докладе Владимир Попов привел следующие цифры: в 2014 году десять самых высокооплачиваемых американских менеджеров получили от 47 млн до 156 млн долларов; в 2013 году в России **Андрей Костин**, президент ВТБ, получил 37 млн долларов (по словам Костина, он получил за 2013 год 200 млн рублей, или около 6,7 млн долларов. — «Эксперт»), а глава «Газпрома» **Алексей Миллер** — 25 млн долларов; тогда как в Китае топ-менеджеры получают не более миллиона долларов.

Самые состоятельные получают почти 50% всех доходов

График 5

«Существует законодательное ограничение больших доходов: так, в Германии, во Франции зарплаты высших руководителей, включая бонусы, ограничены. У нас, хотя уровень жизни ниже, мы платим топ-менеджерам миллионы и десятки миллионов долларов, как в США. Китайцы платят на два порядка меньше. И нельзя сказать, что китайские компании менее эффективны», — отмечает ученый.

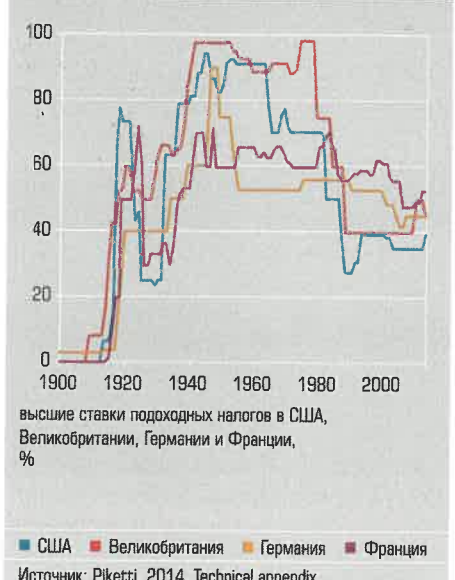
Безусловный доход не поможет

Одно время считалось, что снизить неравенство может безусловный базовый доход — некая сумма, которая будет выплачиваться всем гражданам без исключения (подробнее см. «Деньги всем подряд», «Эксперт» № 17 за 2018 год). Однако пока эксперименты с базовым доходом не дали однозначных позитивных результатов.

Двухлетний эксперимент с базовым доходом подходит к концу в Финляндии: две тысячи человек получали ежемесячно по 560 евро, их жизненные изменения сравнивались с контрольной группой. Оказалось, что получавшие базовый доход безработные люди не стали активнее искать работу и предпринимать что-то, чтобы изменить свою жизнь. В то же время у них снизился уровень стресса. «Я думаю, то, какими считать результаты эксперимента — хорошими или плохими, зависит от интерпретации, — сказал «Эксперту» Вилле-Вейко Пуллка из Университета Хельсинки, представлявший на конференции результаты первого года эксперимента. — Одни сочли результаты разочаровывающими, поскольку не было выявлено положительного влияния на занятость. Но некоторые оценивают результаты положительно, поскольку у людей улучшилось качество жизни и нельзя сказать, что [получение базового дохода] сделало людей ленивыми».

Предельные ставки налога на сверхдоходы все ниже

График 6

При этом даже небольшой финский эксперимент показал: введение базового дохода неминуемо потребует налоговой реформы. «Базовый доход заменяет множество существующих льгот, но все равно необходимо найти средства, чтобы его финансировать. Это означает, что налог должен быть выше, — объясняет Вилле-Вейко Пуллка. — На корпорации или на физлиц — зависит от политического подхода, как именно вы хотите проводить реформу. Эксперимент, проведенный в Финляндии, показывают, что обычно нужно поднимать и то и то. Но в конце концов влияние на совокупную налоговую нагрузку, если считать все налоги и получаемые в рамках выплат средства, окажется нейтральным».

Если бы страны собирались вводить базовый доход, им пришлось бы изыскивать собственные возможности для повышения налога. Возможно, для России это был бы некий вариант нефтяной ренты (аналог того, что существует в странах Персидского залива). «В Финляндии у нас таких ресурсов нет, поэтому у нас этот вопрос обсуждают иначе, — говорит г-н Пуллка. — Это может быть некий экологический налог на компании-загрязнители, это может быть углеродный налог. Возможно, в будущем налоги будут меняться с учетом автоматизации производства, будут налоги на роботов и так далее».

Между равенством и ростом

Опробованный в середине XX века способ борьбы с неравенством — перераспределение с помощью налогов на сверхдоходы и богатство. Владимир Попов видит одну из причин роста неравенства с 1980-х годов в том, что предельные ставки налога на сверхдоходы по всему миру снижаются. «В 1960–1970-е годы эти ставки доходили

АРИТЕС

в главных западных странах до 95 процентов, а сейчас — менее 50 процентов. Похоже, что политики, хотя и говорят о необходимости снижения неравенства, фактически этим не хотят заниматься и не прогнозируют социального взрыва, — говорит ученый. — Мы одна из немногих в мире стран с плоской шкалой подоходного налога. Обычно критики прогрессивной шкалы говорят, что в России кадров у налогового ведомства недостаточно, чтобы обработать все декларации о доходах. В США подается сто миллионов деклараций о доходах, и все они обрабатываются, что требует огромных затрат. Трудность в том, что в этой декларации надо указывать все источники дохода — только тогда понятно, где начинается прогрессия. Проверить доходы из всех источников очень трудно. Но есть простой вариант: допустим, налоговое ведомство может физически проверить только несколько тысяч человек. Надо установить такой порог прогрессии, чтобы под него попало только несколько тысяч человек. Допустим, сто миллионов рублей в год. Потом немного снизить его — под этот порог попадет уже несколько десятков тысяч человек, и так далее. Налоговики физически могут проверить несколько тысяч? Значит, прогрессия должна начинаться именно с настолько высоких доходов, которые получают только несколько тысяч человек. Во всем обществе, включая богатую его часть, это было бы воспринято с пониманием».

Кроме налогов есть и другие способы борьбы с неравенством, говорит Владимир Попов, — например, создавать равные стартовые возможности для всех, увеличивая расходы на человеческий капитал, в первую очередь на образование. По этому пути сейчас идут в Китае, Южной Корее и, полагает Уайтли, должны идти в США.

В Китае продвижение социального равенства — одна из государственных задач. За последние сорок лет из бедности

выбралось 800 млн китайцев, и в 2020 году должны выйти еще 13 млн человек. Как рассказал член экспертной комиссии экономического и социального совета Китая Хуан Юи, в стране есть программы, помогающие инвалидам и жителям сел достичь более высокого уровня жизни, поддержка самых бедных областей (в том числе банальным путем объединения их с более богатыми), а также большое число общественных организаций, которые помогают людям овладеть новой профессией.

«Мы видим расслоение общества, — сказал на конференции президент совета по экономике, труду и социальным вопросам Южной Кореи Мун Сон Хен. — Поляризация рынка труда достаточно серьезна, а техническая революция повышает неравенство. Люди отказываются заводить детей, потому что не могут себе это позволить». В Южной Корее стараются повышать минимальную оплату труда, создавать высококачественные рабочие места и повышать уровень образования, чтобы сократить разрыв между низко- и высокообразованными людьми.

Джон Уайтли видит путь к уменьшению бедности в инвестициях в образование детей на ранних этапах — в три-пять лет, чтобы стимулировать их когнитивные способности, и это должно сочетаться с полноценным питанием и вовлеченностью родителей.

Существует ли идеально низкий уровень неравенства и можно ли его достичь? «Если люди много работают или имеют успешный бизнес, то, конечно, они хотят получать больше, — рассуждает Вилле-Вейко Пулкка. — Такая разница воспринимается терпимо. Но в северных странах есть мнение, что нужно иметь меньший разрыв, чтобы было устойчивое развитие страны. Мне кажется, что самый важный вопрос здесь не о неравенстве, а чтобы все получали адекватную оплату и условия

Одна из причин роста неравенства с 1980-х годов в том, что предельные ставки налога на сверхдоходы по всему миру снижаются

работы. В Финляндии есть новый способ измерения адекватного дохода, который используют вместе с уровнем бедности, — этот показатель лучше отражает, сколько денег нужно людям [для удовлетворения базовых нужд]. Я бы сказал, нам нужны новые методы измерения неравенства, новые индикаторы и понимание, как люди используют деньги».

«Проблема социального капитала имеет большее значение, чем просто неравенство доходов, — соглашается главный экономист ВЭБ.РФ Андрей Клепач. — У людей нет возможности развиваться, дать хорошее образование своим детям, система здравоохранения в кризисе. Мы не смогли выработать модель развития, которая позволила бы найти баланс между эффективностью, индивидуальной предпринимательской свободой, темпами роста и справедливостью. Нигде [в мире] не смогли».

В заключение необходимо сказать следующее: хотя современные патриции — получатели сверхдоходов полагают, что с неравенством можно ничего не делать, ученые уверены, что это совершенно не так. «Неравенство не может расти неограниченно, — пишут Джомо и Попов в уже упоминавшемся материале «Долгосрочные тенденции в распределении доходов». — Видимо, есть критический уровень неравенства, при превышении которого национальные государства погружаются в пучину социальных конфликтов и распадаются. Если рост неравенства внутри стран не удастся предотвратить, сначала страны могут попасть в ловушку с плохим равновесием, которое воспроизводит себя: плохое качество государственных институтов, низкий рост, низкая социальная мобильность и высокая социальная напряженность. Выход из этой ловушки возможен путем постепенных реформ, но, если реформы откладываются, дальнейший рост неравенства может закончиться социальной революцией».

Ирина Перечнева

Нацпроекты не дотягиваются до регионов

На фоне выраженной пробуксовки национальных проектов региональные элиты формируют новые программы развития. Запуск локальных идей — локомотивов роста традиционно тормозят институциональные барьеры

Ежегодная конференция «Российские регионы в фокусе перемен», организованная УрФУ и АЦ «Эксперт», собралась в Екатеринбурге экспертов, чиновников и предпринимателей

Начало нынешнего года прошло под знаком надежд крупного бизнеса на новые возможности за счет участия в национальных проектах. Однако год движется к завершению, а нацпроекты так и не стали значимым импульсом роста. Чиновники и эксперты выдвигают разнообразные версии причин пробуксовки, но поиск виноватых ни к чему не привел. На федеральном уровне сформировалась позиция, что возник некий саботаж со стороны региональных органов власти. Регионы, в свою очередь, пеняют на сложности процедур, связанных с получением бюджетных средств через систему Федерального казначейства, или на технологические ограничения электронных систем, жалуются на федеральные органы власти, которые оказались нерасторопными.

Так или иначе у региональных элит наступило некое отрезвление, стало ясно, что нацпроекты не являются волшебным граалем, который перезагрузит федеральную, а тем более каждую региональную экономику. А значит, тре-

буются собственные усилия на местах по поиску и активизации собственных точек и стратегий роста.

«Сократились возможности привлечения иностранных инвестиций, существенно изменилась география стран — потенциальных инвесторов, изменились ожидания бизнеса. Модели привлечения инвестиций, которые доказывали свою эффективность в прежние годы, перестают работать» — так видит основные изменения инвестиционного климата в стране Дмитрий Толмачев, директор Института экономики и управления УрФУ, директор Аналитического центра «Эксперт».

Как переформатировать модели развития экономики регионов в такой ситуации? Эта тема легла в основу повестки ежегодной конференции «Российские регионы в фокусе перемен», прошедшей в Екатеринбурге*.

Больше конкретики

Самые масштабные национальные проекты связаны с созданием разного рода

инфраструктуры; бизнес, в частности, очень рассчитывал на «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры», а также на проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Это наиболее бюджетоемкие проекты, и именно они интересны компаниям.

Директор Института экономики транспорта и транспортной политики, декан факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ Михаил Блинкин полагает закономерным делать ставку именно на них: «По соотношению уровня ВВП на душу населения и качества транспортной инфраструктуры Российская Федерация находится ниже «линии мирового тренда». Выше этой линии находятся страны, совершившие в последние годы тот или иной инфраструктурный прорыв. Причем это страны, у которых было много внутренних и внешних проблем. Египет построил вторую нитку Суэцкого канала, Турция, несмотря на все свои внутренние угрозы, запустила Стамбульский авиационный хаб, а Китай демонстрирует рекордные масштабы развития высокоскоростных магистралей, морских портов, аэропортов, сети автомобильных дорог высших технических категорий».

*Конференция организована Уральским федеральным университетом (УрФУ), Институтом экономики и управления УрФУ, Аналитическим центром «Эксперт» и деловым журналом «Эксперт-Урал».